

ФЛАМЕЛЬ, АЛХИМИЯ И КОЛЕСО ИСТОРИИ

Г. А. Бутузов

Первоначальная неотредактированная версия предисловия
к переводам работ Фламеля.

В парижском издании Медико-психологических Анналов (ноябрь 1901г., т.14) русский психиатр П.Б.Ганнушкин опубликовал небольшой труд под названием «Сладострастие, жестокость и религия». В нем он кратко и доказательно продемонстрировал сущностную связь трех упомянутых в названии понятий, на первый взгляд, далеких друг от друга. Заглавие данного эссе напоминает название работы Ганнушкина, но с одним существенным отличием: входящие в него понятия, хотя и кажутся на первый взгляд неразрывно связанными, на проверку оказываются разделенными глубокой, если не бездонной, пропастью. Но об этом позднее.

Для начала посмотрим на объект нашего исследования тем самым первым взглядом. Итак, Николя Фламель. Французский герметический философ, которого Гюго ставил в один ряд с Аверроэсом и Гийомом Парижским; безусловно, удачливый алхимик, так как, будучи скромным клерком, стяжал богатство, вызывавшее зависть коронованных особ; несомненно, историческое лицо, оставившее после себя многочисленные документальные свидетельства своей благотворительной деятельности, недвижимостью, и даже надгробную плиту. История его жизни, изложенная им самим в предисловии к «Иероглифическим Фигурам», многократно переписывалась и пересказывалась целой армией исследователей и биографов, начиная с семнадцатого века и заканчивая двадцатым, следы железных пальцев которого еще видны на шее человечества. Какова же его, в высшей степени правдоподобная, история?

В 1330 году, в семье небогатых, но, как отмечает сам Фламель, очень достойных и честных людей, родился мальчик Николя. Произошло это в городке Понтуаз, в двадцати пяти километрах на север от Парижа. Несмотря на скромный достаток, семья Фламелей дала ребенку приличное образование, хоть он и не слишком хорошо овладел

латынью, на что сетовал впоследствии. Приобретя необходимые знания, Николя отправился в соседний Париж зарабатывать на жизнь профессией общественного писаря и нотариуса. Поначалу он обосновался вместе с собратьями по цеху неподалеку от Кладбища Невинных [Младенцев], а затем, когда гильдия писарей переселилась в район церкви Сен-Жак-де-ля-Бушери, переехал туда в месте со всеми. Его скромная контора, а точнее, деревянная пристройка, ничем не отличалась от остальных; ее площадь была около полутора квадратных метров, то есть ровно столько, сколько нужно, чтобы разместить малюсенький стол и стул. Располагалась она на улице Писарей; в английских переводах Фламеля ее часто называют улицей Нотариусов, а в русском переводе «Собора Парижской Богоматери» Гюго даже улицей Писателей, что уже слишком, потому что трудившиеся на ней *écrivains*, конечно же, не были писателями – они были общественными писарями, нотариусами, каллиграфами и переписчиками книг, часто совмещая все эти профессии в одном лице. В частности, Фламель был известен как искусный «издатель»; книгопечатание еще не было изобретено, и создание рукописных копий было единственным способом тиражирования. Кроме того, он пользовался уважением среди парижской знати, потому что некоторые особенно оригинальничающие вельможи брали у него уроки письма, чтобы научиться писать на бумаге свое имя (размеры невежества в то время трудно себе представить). Жил Фламель фактически напротив своей конторы, на углу улиц Писарей и Мариво¹; дом его был известен как «дом под Королевскими лилиями», так как над входом красовался барельеф с их изображением. У Фламеля в дневные часы всегда было много народу – его ученики и подмастерья старательно выполняли задание по переписыванию книг и копированию иллюстраций; там же радушный Фламель кормил их обедом.

Как-то раз, когда Николя стукнуло уже сорок, миловидная вдова, оформлявшая в конторе Фламеля документы на собственность, дала ему понять, что совсем не прочь снова выйти замуж, и господин нотариус ей очень приглянулся. Хотя мадам Пернелль

¹ Название происходит от *le petit marais*, то есть «болотце». В наши дни эта улица носит имя Николя Фламеля.

Лета – так ее звали – была старше Николя, она выглядела довольно молодо, и была обаятельна; желание оказалось взаимным. Свадьба не заставила себя ждать, так что вскоре в доме под лилиями зажила молодая семья. Новая хозяйка, имея некоторые сбережения, доставшиеся ей от покойного мужа, наняла кухарку и горничную; не то чтобы она была ленива или избегала домашней работы, но прокормить все увеличивающуюся ораву подмастерьев, столовавших в доме, и убирать за ними, было не под силу одной женщине, а Фламели всегда с заботой относились к своим работникам, и угощали их от души. Сами же хозяева жили скромно, носили недорогую одежду и ели на глиняной посуде, зато качество блюд было хорошо известно за пределами дома... Но тут следует заметить, что в этой идиллии все же был один изъян.

Много лет назад, задолго до знакомства Фламеля с мадам Лета, его посетил удивительный сон. С неба к нему спустился ангел, держащий в руках большую старинную книгу, богато инкрустированную золотом. «Фламель, - сказал ангел, - посмотри на эту книгу. Ты не поймешь в ней ничего, равно как и все другие люди. Но настанет день, и ты увидишь в ней то, что больше никому видеть не дано». Николя протянул руку к книге, но ангел вместе с ней стал быстро удаляться, и в конце концов растворился в золотистой дымке. Фламель не придавал значения этому сну, пока с ним не произошел интересный случай. Надо сказать, что постепенно расширяя свое «книгоиздательское» дело, он занялся перепродажей редких книг, так что его дом отчасти принял на себя функции букинистической лавки. И вот в один из дней 1357 года по цене два флорина им была приобретена красивая старинная книга, написанная не на бумаге или пергаменте, а на чем-то очень плотном, напоминавшем кору молодого дерева. Фламелю часто попадались алхимические труды, он даже переписывал их по заказу, но особого интереса у него этот предмет не вызывал; и все-таки, эта книга была точь-в-точь похожа на ту, которую ему показал во сне ангел. На первой странице ее значилось: АВРААМ ЕВРЕЙ, ПРИНЦ, СВЯЩЕННИК, ЛЕВИТ, АСТРОЛОГ, И ФИЛОСОФ, ПРИВЕТСТВУЕТ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД, ГНЕВОМ БОЖЬИМ РАССЕЯННЫЙ СРЕДИ ГАЛЛОВ. Книга содержала прекрасные цветные иллюстрации и текст на латыни, а также слова на «неизвестном древнем языке», который Фламель принял за греческий, хотя, скорее всего, это был иврит. Николя был столь

заинтригован, что день и ночь проводил за изучением этого труда, суть которого состояла в обучении Еврейского народа искусству трансмутации металлов и получения алхимического золота, которым автор рекомендовал платить подать Римскому Императору. Несмотря на то, что, казалось бы, Фламель уже начал разгадывать смысл некоторых символических иллюстраций и понимать *modus operandi*², он нигде не находил намека на то, с какой же материей изначально следует работать; и это немудрено, ведь adepts никогда не могли себе позволить в письменной форме открыто называть это вещество, заключающее в себе главную герметическую тайну. Но у кого же искать помощи в этом деле? Как получить разгадку первоматерии? Снедаемый такими мыслями и сомнениями, молодой супруг часто уединялся у себя в комнате, был весьма рассеян и вздыхал без видимой причины, чем вызвал серьезное беспокойство мадам Фламель. Однажды Николя сдался, и уступил настойчивым расспросам супруги. Он поделился с ней своей тайной, и, - весьма неожиданно, - загадочная книга настолько заинтересовала Пернелль, что основным вечерним времяпровождением обоих молодоженов с того момента стало совместное рассматривание прекрасных иллюстраций и высказывание предположений касательно их символического смысла. В этом месте мы с вами, уважаемый читатель, незаметно и вполне в духе постмодернизма, влияем в русло основного повествования книги «Иероглифические Фигуры»; есть смысл проплыть еще немного дальше, по воле волн фламелевского сюжета.

Николя, осознав, что без посторонней помощи они с Пернелль так и будут теряться в догадках, коротая дни до самой смерти, принимает единственно правильное – и безопасное – решение. Он без особого труда, поскольку в этом и заключается его профессия, копирует иллюстрации из книги Авраама Еврея, а саму книгу хорошенько прячет в доме. Копии же он, соблюдая осторожность³, начинает показывать людям из

² Образ действий (лат.).

³ Осторожность была совсем нелишней – в 1317 году папа Иоанн XXII издал знаменитую буллу против алхимиков, содержащую в числе прочих, такие слова: «...Если у тех, кто нарушает закон, недостаточно средств для того, чтобы уплатить штраф, они могут быть наказаны другими способами». Какие именно были эти способы, нетрудно догадаться. Кстати, по иронии судьбы, Иоанн XXII сам был тайным алхимиком; можно предположить, что он просто хотел прояснить для себя некоторые моменты Магистерия, при помощи нового закона выявляя потенциальных адептов, и приглашая их для беседы в подвалы инквизиции.

числа своих клиентов, которые, по его мнению, могли бы помочь в этом деле. Однако большинство из них не понимали даже, о чем идет речь в удивительном манускрипте Фламеля. Когда же Николя объяснял, что труд этот посвящен «благословенному Камню Философов», его собеседники начинали улыбаться, а некоторые позволяли себе откровенно подшучивать над выжившим из ума нотариусом. И все же, в один прекрасный день он продемонстрировал свои картинки доктору медицины, некоему Мэтру Ансольму, который – как показалось Фламелю – был весьма искушен в алхимии; тот страшно обрадовался, что копия такого ценного манускрипта попала к нему в руки. Он доходчиво и правдоподобно разъяснил Николя смысл рисунков, и в результате этого прекрасного разъяснения Фламель провел в лаборатории, которую оборудовал в подвале своего дома, двадцать один год – разумеется, с нулевым результатом. В конце концов, немолодая уже семья Фламелей сделала вывод, что они пошли по неправильному пути, и о советах господина Ансольма следует забыть. В шестьдесят с лишним лет Фламель вернулся туда, откуда начинал. Но алхимик не пал духом, а решил предпринять весьма серьезный шаг: он отправится в паломничество в Испанию, в город Святого Иакова, на покровительство которого всегда рассчитывал, и там, среди множества синагог, найдет иудея духовного звания, который разъяснит ему истинный смысл книги Авраама.

Итак, взяв посох и накидку пилигрима, Фламель отправляется в путь. Галисийский город Сантьяго де Компостела, ныне являющийся столицей автономной области Ля Корунья на северо-западе Испании, был одним из важнейших пунктов паломничества последователей католической религии, начиная с IX века, когда вблизи него обнаружили останки, приписываемые Святому апостолу Иакову. В 1128 году там была заложен собор Святого Иакова, в котором находилась могила с захороненными в ней мощами, предположительно принадлежащими великому апостолу; поездка Фламеля не являлась чем-либо экстраординарным, она скорее соответствовала репутации набожного человека, закрепившейся за Фламелем. Он благополучно завершает паломничество молитвой в соборе, и начинает долгий обратный путь – не найдя, как собирался, знающего иудея в синагогах Сантьяго. На обратном пути он останавливается в кастильском городе Леоне, где встречает Мэтра Канчеса, радость

которого при известии о том, что книга Авраама Еврея найдена, не знает пределов. Это именно тот человек, который нужен Фламелью; удовлетворившись сообщением, что книга находится у Фламеля дома, в Париже, господин Канчес немедленно отправляется в месте с ним во Францию, по дороге разъясняя все загадки манускрипта внимающему ему Николя. Из Леона они едут в Овьедо, а затем в Сансон, где пересаживаются на морской транспорт, доставивший их на Французский берег; логично предположить, что высадились они в Ля Рошель, уже в XIV веке известном как крупный торговый и военный порт на западе Франции. Далее они следуют через Орлеан по направлению к Парижу, но тут Мэтра постигает несчастье – рвота, явившаяся следствием морской болезни, не только не оставила его, но еще усилилась, и Канчес, не вставая с постели в Орлеанской гостинице, умирает на руках Фламеля – конечно, успев рассказать ему все секреты Великого Делания. Похоронив компаньона и заказав за упокой его души ежедневную мессу, Николя благополучно добирается до Парижа, где его встречает с распростертыми объятиями верная Пернелль.

Итак, паломничество завершено. Все соответствует приметам времени, ничто не нарушает стройной сюжетной линии средневекового романа – простите, автобиографии Фламеля. Есть, правда, несколько странных моментов, иногда просвечивающих сквозь ткань повествования, подобно турецким туфлям, что предательски выглядывали из-под сутаны прелата в романе Яна Потоцкого⁴. Например, где-то на середине своего пути в Галисию, Фламель останавливается в Монжуа, городе, название которого он пишет как *Montjoye*; во Франции есть только один *Montjoi*, лангедокский городок недалеко от Перпиньяна, каковой никак не мог оказаться у него на пути, поскольку расположен гораздо ближе к Средиземному морю, чем к Бискайскому заливу. Есть другой город, который подходит на эту роль – кастильский город Монтехо (*Montejo*), однако переводить его название на французский как Монжуа, мягко говоря, некорректно, - если только название это, то есть Гора Радости (*Mont-joie*), не играет очень важной роли во всей истории паломничества: Гора Радости Философов, над которой сияет звезда Святого Иакова Компостельского (*Compo-stela*, звездное поле)... Быть может, и другие названия – и имена – имеют столь же важное значение в повествовании

⁴ Имеется в виду роман «Рукопись, найденная в Сарагосе».

Фламеля? Фулканелли, *par excellence* адепт XX века, в своем труде «Обители Философов» разъяснил алхимическое значение каждого символа⁵ – а ими являются практически все имена собственные, – в книге Фламеля «Иероглифические Фигуры». Разъяснил, и сделал вывод, что персонаж, носящий фамилию Фламель, совершил свое длительное и плодотворное паломничество к Святому Иакову, не выходя за пределы лаборатории в подвале дома на углу улицы Писарей и Мариво.

К этой мысли мы еще вернемся позднее. А пока, покинув плавное течение сюжета «Иероглифических Фигур», вернемся к историческим документам. Вышеизложенную концепцию жизни алхимика Николя Фламеля, в основе которой лежит обнаружение им легендарной книги Авраама Еврея, и обретение учителя в лице испанского еврея по имени Канчес, – то есть события, описанные им же самим в предисловии к «Иероглифическим Фигурам», – разделяли многочисленные исследователи жизни и творчества великого французского адепта⁶. Пожалуй, единственной, и беспримечательной по глубине анализа альтернативной версией до недавнего времени была лишь та, что предложил Фулканелли в 1930 году, когда вышло первое издание его «Обителей»... Какие же еще биографические факты мы можем почерпнуть из этих книг? Скажем, большое внимание всегда уделялось дате смерти – официально зафиксированной – человека по имени Николя Фламель. Умер он через девятнадцать с половиной лет после своей супруги Пернелль, 22 марта 1417 года – иногда указывается 1418 год, но это неточность, – оставив составленное по всем правилам завещание (включая предполагаемую надпись на могильной плите), датированное ноябрем 1416 г. Что же тут такого подозрительного? Дело в том, что 22 марта, день весеннего равноденствия, когда солнце входит в знак Овна, является традиционным днем начала Великого Делания – красивая деталь в биографии алхимика, не правда ли? Зная, что универсальное лекарство⁷, коего у Фламельей был нескончаемый запас, во много раз удлинит жизнь адепта⁸, можно предположить, что смерть обоих Фламельей была

⁵ См. Fulcanelli. *Les Demeures Philosophales*. J.-J. Pauvert, 1964. Т.1, pp.437-460.

⁶ Например, Albert Poisson. *Nicolas Flamel, sa vie, ses fondations, ses oeuvres*. Bibliothèque Chacornac, Paris, 1893; Жак Садуль. *Алхимики и золото*. София, Киев, 1995.

⁷ Так часто называют Философский Камень, потому что он «лечит» несовершенство всего – от металлов до живых организмов.

⁸ Согласно традиции, регулярно принимающий красную Тинктуру (как предписано в «Завещании» Фламеля) может прожить столько, «сколько отпущено богом», то есть фактор старости не исключается,

мистификацией, выполненной по всем законам жанра, с могильной плитой и записью в церковной книге. Согласно легенде, после того, как воспоминания о Фламеле были захоронены в его родной Сен-Жак-де-ла-Бушери, он сам отправился в Швейцарию, где его ждала (целых двадцать лет?) живая и здоровая супруга. Последующие три столетия они занимали себя путешествиями по Индии и Ближнему Востоку⁹. Причем вера в их благополучное существование была настолько сильна, что кроме многочисленных туманных свидетельств о встрече с Фламелями в разных экзотических странах, сразу несколько добропорядочных парижан в один голос заявили, что видели чету Фламелей вместе с их сыном, родившимся в Индии, проследовавших в ложу Парижской оперы одним прекрасным вечером ... 1761 года¹⁰. В числе прочих фактов иногда цитируют известную историю, упоминаемую Борелем в его «Сокровищнице»¹¹: когда короля стали раздражать слухи о баснословном богатстве некоего Фламеля, он – вполне логично – отправил к нуворишу налогового инспектора, господина де Крамуази. Реакция Николя была вполне в духе времени (точнее, в духе всех времен) – правда, он не стал нагружать инспектора золотом, а отсыпал ему немного порошка, который, согласно воспоминаниям потомков, в течение многих поколений хранился в семье де Крамуази. В докладе же королю было указано, «что господин Фламель живет в очень в стесненных условиях, ест из глиняной посуды, и слухи о его богатстве весьма преувеличены». Несмотря на анекдотичность ситуации, не следует забывать, что описанное королевским налоговым инспектором фактически соответствовало действительности. С момента получения Фламелями в 1382 году красной Тинктуры, то есть философского камня, они ни су не потратили на себя – огромные средства, которыми теперь распоряжался Николя, вкладывались в постройку больниц, церквей, и приютов для бедных (один из таковых, кстати, сохранился под номером 51 на улице Монморанси; он был заложен Фламелем в 1407 году).

но исключается фактор болезни. Другими словами, алхимик может жить до тех пор, пока не исчерпаются «потенциальные ресурсы организма», как говорят современные геронтологи.

⁹ См. Жак Садуль. *Алхимики и золото*. София, Киев, 1995. стр. 89-90.

¹⁰ См. Holmyard. *Alchemy*. Dover, New York, 1990. p.247.

¹¹ Pierre Borel. *Trésor de Recherches et Antiquitez Gauloises et Françoises, reduites en Ordre Alphabetique*. A. Courbé, Paris, 1655.

Весьма очевидным доказательством активной общественной деятельности Фламелей, убежденных пропагандистов алхимического искусства, служат барельефы с изображением герметических символов, или фигур, каковые Николя располагал почти на всех зданиях, постройку или ремонт которых финансировал; в качестве примера можно назвать арку на Кладбище Невинных, подробно описанную в «Иероглифических Фигурах», а также барельефы церкви Сен-Жак-де-ля-Бушери, простоявшей целой и невредимой вплоть до 1797 года. Несмотря на то, что церковь была разрушена, похороненная под ее обломками могильная плита (простите мне этот странный каламбур) неожиданно объявилась в середине XIX века в антикварной лавке на берегу Сены, откуда перекочевала – уже насовсем – в музей Клюни. Парижский антиквар купил плиту у бакалейщика, который много лет использовал ее в качестве стола для рубки зелени. В верхней части плиты изображены три фигуры – Святой Петр с ключом в руке, Христос со скипетром, и Святой Павел, вооруженный мечом. Между Спасителем и Апостолом Петром изображено солнце, а между Апостолом Павлом и Иисусом – луна. Под эпитафией, описывающей Фламелеву благотворительность, расположена надпись по-латыни, гласящая: *Domine Deus in tua misericordia speravi*¹²; далее, под изображением покойника – по-французски: «Я вышел из праха, и возвращаюсь в прах / Направляю душу к тебе, Иисус Спаситель Человечества, прощающий грехи». Итак, Фламель изобразил на своем надгробии все основные элементы Великого Делания. Меч в руке Святого Павла символизирует *тайный огонь Философов*, скипетр Спасителя – *первоматерию Делания*, а ключ в руках Апостола Петра – *философское растворение*, являющееся ключом к магистерии; покойник, изображенный в нижней части надгробия, символизирует не столько мертвого Фламеля, сколько важнейший этап Делания, *разложение*, без которого нельзя продвинуться ни на шаг. Солнце и луна, без сомнения, символизируют Солнце и Луну Философов, то есть их истинные золото и серебро.

Итак, у нас под рукой имеется множество увековеченных в камне и на бумаге свидетельств, подтверждающих, что житель Парижа, скромный клерк по имени Николя Фламель, строил здания на собственные деньги, которые при всем уважении к его

¹² Господь Всевышний, на твое милосердие уповаю.

трудолюбия нельзя было заработать, сидя в нотариальной конторе, и украшал эти здания символикой, подтверждающей его глубокие познания в области так называемого Царского Искусства, то есть алхимии. И все же, эти деньги вполне могли иметь своим происхождением сундучок вдовы Лета, а как становится ясно из текста «Иероглифических фигур», герметические символы часто могут быть интерпретированы вполне в духе теологии, и наоборот. Нам известны детали его биографии, включая годы рождения и смерти, и все же последняя дата слишком символична для того, чтобы соответствовать действительности. Теперь попробуем проследить, к чему нас может привести поиск других символов в жизни этого адепта, для чего обратимся к упоминавшейся выше работе Фулканелли. В «Обителях Философов» автор напоминает нам, что, согласно легенде, Раймонд Луллий также совершил паломничество к Сантьяго де Компостелла (ровно за сто лет до Фламеля), и что большинство адептов во все времена прибегали к подобной же аллегорической форме изображения своего пути познания материи и обретения Философского Камня. Что же касается главного героя книги «Иероглифические Фигуры», то Фулканелли указывает на символичность его имени: Николя по-гречески значит «победитель камня» (Νίκο-λᾱος); фамилия же Фламель происходит от латинского *Flamma*, то есть «пламя», или «огонь». В свою очередь, имя обретенного Фламельем в Испании учителя, мэтра Канчеса, представляет собой аллегорическое название *белого сульфура Философов*, характерной особенностью которого является сухость (по-гречески Καύχανοξ). Последователь «сухого пути» в алхимии, Фулканелли немедленно обращает внимание на странное решение, которое после знакомства Николя с Канчесом принимают компаньоны – они решают добираться до Франции *морем*, а не *по земле*, что символизирует «влажный путь», которому в итоге отдается предпочтение. Фламель, то есть *огонь*, благополучно добирается до Орлеана (*or-léans*, что можно перевести как «там находится золото»), в то время как Канчес, то есть *сульфур*, погибает вследствие продолжительной *рвоты*, каковая в алхимии есть признак растворения и разложения – тот самый труп, изображенный на Фламельевом надгробии под надписью *Domine Deus in tua misericordia speravi*. Изначально же, нам следовало бы обратить внимание на одну странную деталь: дорогая старинная книга досталась

Фламелю всего за два флорина, чему он искренне удивляется в предисловии к «Иероглифическим Фигурам». Дело в том, что эти самые два флорина и есть примерная необходимая сумма для приобретения материалов, используемых в Великом Делании - в соответствии с экономическими условиями четырнадцатого столетия. В середине семнадцатого века Ириний Филалет называет несколько отличную цифру: «Как ты видишь, работа наша стоит не более трех флоринов...»¹³, что с учетом инфляции вполне совпадает с рекомендациями Фламеля. К началу XII века папирус полностью выходит из употребления, и тот факт, что книга была написана «на коре молодых деревьев», конечно же, указывает на «египетское» и «древнее» происхождение книги, но кроме этого – что гораздо важнее – еще указывает на металлическую природу Первоматерии в рамках алхимической символики. Что же получается? Не только мэтр Канчес и паломничество в Галисию могут считаться аллегорией и мистификацией, но и сам господин Фламель со своим хозяйством, домом, женой и благотворительностью, оказывается не более чем литературным персонажем. Не слишком ли это, даже при всем уважении к имени Фулканелли? Нет, не слишком. Но наличие аллегории и мистификации совсем не означает ложности или незначительности личности автора и его трудов; совсем напротив, в случае алхимии, вопросы аутентичности произведений и времени их написания предстают сложнейшими, и часто неразрешимыми, загадками – и чем важнее труд, тем сложнее загадка.

Вообще говоря, всех герметических авторов можно разделить на четыре группы: подлинные авторы, не скрывающие своего имени и обладающие документально подтвержденной биографией – самая малочисленная категория (Михаэль Майер, Монте-Снидерс, Сендивогий); анонимные авторы, скрывающиеся под именами великих ученых, теософов и других лиц, пользующихся авторитетом и служащих своего рода «прикрытием» и защитой для традиции (псевдо-Раймонд Луллий, псевдо-Аристотель, псевдо-Фома Аквинский и т.д.); авторы, скрывающиеся под оригинальными псевдонимами (их биографии, как правило, обрывочны и недостоверны – Ириний Филалет, Фулканелли, Камала Джняна, Ламбспринк); и, наконец, авторы, имеющие весьма правдоподобные имя, биографию и окружение, которые на поверку

¹³ См. *Alchemical works: Eirenaeus Philalethes Compiled*. Cinnabar, Boulder, 1994. p.412.

оказываются чистой фикцией. К последним, конечно же, относится бенедиктинский монах Василий Валентин, аббат Вестминстерский Кремер, и – к этой мысли приходит большинство современных исследователей – господин общественный писарь Фламель. Хотя в случае нашего героя дело обстоит еще сложнее. Если при попытке установить личности Василия Валентина и Кремера очень легко выясняется, что в бенедиктинском ордене никогда не было такого брата-алхимика, а в Вестминстерском аббатстве никогда не было аббата по фамилии Кремер, то в случае Фламеля у нас имеется множество доказательств его существования. В чем же тогда проблема? Может, легенда говорит правду? Но проблема возникает не столько из-за биографии парижского нотариуса, сколько из-за его литературного наследия. Несомненно, в четырнадцатом веке жил человек, жертвовавший деньги на приюты для бедных и церкви *под именем* Николя Фламеля. Но большинство фактов его биографии мы знаем из его собственного трактата «Иероглифические Фигуры», а трактат этот, хотя и должен быть написан в начале XV века, впервые предстает перед глазами публики в 1612 году, когда в Париже из печати выходит *Trois traictez de la philosophie naturelle non encore imprimez*¹⁴. В качестве второго трактата этого сборника выступают «Иероглифические Фигуры Николя Фламеля, писаря, находящиеся на четвертой арке Кладбища Невинных в Париже, по правую руку, если входить со стороны улицы Сен-Дени, с разъяснением упомянутого Фламеля, посвященные трансмутации металлов и ранее никогда не публиковавшиеся. Перевод с латыни П. Арно, Шевалье». Нелишне будет заметить, что латинский «оригинал» с которого этот труд переводил на родной французский Шевалье Арно, никто кроме него никогда не видел. Также стоит вспомнить, что весь вышеназванный трактат построен на анализе аллегорий, содержащихся в найденной автором Книге Авраама Еврея¹⁵. Как вы можете догадаться, о существовании этой книги известно только со слов Фламеля – ни она сама, ни даже копии с нее *вне контекста* «Иероглифических Фигур» тоже никому и никогда не были

¹⁴ Три трактата по натруфилософии, ранее не публиковавшиеся (старофр.).

¹⁵ Существует мнение, что этой книгой мог быть каббалистически-алхимический трактат под названием *Эш Мезареф* («очищающий огонь»), изначально написанный на иврите; тем не менее, ныне известные редакции этой работы доказывают отсутствие прямой связи между ней и «Иероглифическими Фигурами» (см., напр., Кнорр фон Розенрот. *Aesch Mezareph, или очищающий Огонь*. в кн. *Тайные Фигуры Розенкрейцеров*. Ваклер, Киев, 1997. стр. 201-223).

известны. По многим признакам, для перечисления которых требуется отдельная книга, современные исследователи пришли к выводу, что текст «Иероглифических Фигур» не мог быть написан ранее XVII века, и, следовательно, не имеет отношения к нотариусу, жившему в доме под лилиями за два столетия до этого. Наиболее осведомленный в этой области человек, фактически посвятивший жизнь изучению «дела» Николя Фламель, Клод Ганьон, в своей фундаментальной работе, название которой можно перевести как «Фламель под следствием»¹⁶,

высказывает предположение, что «Иероглифические Фигуры» были написаны крупнейшим издателем герметических книг Бероальдом де Вервилем¹⁷ в том же году, когда вышло первое издание *Трех трактатов по натурфилософии*, или чуть раньше; он основывает свои наблюдения на том, что большинство идей, высказанных в этом трактате почерпнуты автором из *Artis aurifera quam chemicam*

vocant antiquissimi auctores, опубликованного Петером Перна в 1572 году в Базеле, и в деталях известном господину Де Вервилю. Кроме того, Шевалье Арно является немного искаженной анаграммой имени Бероальд де Вервиль. Клод Ганьон также сумел отыскать запись библиотекаря, служившего в восемнадцатом веке в библиотеке Сент Женевиьев; в ней упоминается ныне утерянный трактат под названием «Приключения Али эль Москлана, известного как Халиф Сломнял, переведенные с арабского неким Раби эль улле де Деон», датированный 1582 годом. Ганьон отмечает, что странное имя переводчика представляет собой опять-таки анаграмму имени Бероальд де Вервиль, в то время, как имя главного героя (*Slomnal Calife*) является ничем иным, как точной анаграммой имени Николя Фламель. Другими словами, перед нами типичный по своему «анамнезу» алхимический трактат – книга, написанная спустя примерно двести лет с момента смерти предполагаемого автора, и основанная на произведении, которого никогда не существовало. Настоящим автором ее вполне мог быть издатель, или – кто знает? – анонимный адепт XVI века, навсегда исчезнувший под маской общественного писаря Николя Фламеля.

¹⁶ Claude Gagnon. *Flamel sous investigation*. Editions le Loup de Gouthiers, Québec, 1994.

¹⁷ François Beroalde de Verville, в частности, известен как редактор и издатель *Le Tableau des Riches Inventions* (Paris, 1600. – первый французский перевод «Сна Полифила» Франческо Колонна, знаменитый своими гравюрами), *Le Voyage des Princes Fortunez* (Paris, 1610), и многих других.

Как же обстоит дело с другими трудами французского мастера, коих нам известно еще три? Самой лаконичной, и пожалуй, наиболее интересной в литературном отношении, является работа под названием *Краткое изложение Философии*, или скорее *Сумма Философии*, поскольку в названии явно чувствуется намек на Фому Аквинского. Эта небольшая поэма, в которой излагается основная герметическая концепция природы металлов и условия их трансмутации, была впервые опубликована в 1561 году, то есть за полвека до «Иероглифических Фигур», в составе небольшой антологии «О трансмутации металлов: три старинных трактата в стихах»¹⁸. Историк герметической традиции Ленгле-Дюфренуа предполагал, что *Краткое изложение Философии* было написано Фламелем в 1409 году¹⁹. Интересно, что сопоставление несколько наивной стихотворной манеры *Краткого изложения* и надписей, оставленных Фламелем на различных памятниках (в частности, на надгробии его супруги Пернелль), показывает, что эти тексты действительно могли быть написаны одним и тем же лицом. Так что, возможно, эта поэма имеет непосредственное отношение к Фламелю – или скрывавшемуся под этим псевдонимом анонимному адепту. Что же касается другой работы, самой длинной из всех, *Книги Прачек*, то вплоть до XX века она была известна только лишь в виде манускриптов, и чаще всего именовалась *Книгой наивжеланнейшего из желаемого* по первым строкам повествования. Представленный в данном издании перевод выполнен на основе рукописи из Национальной Библиотеки в Париже²⁰, датируемой XV веком. Этот документ представляет собой стопку из 126 листов пергамента размером 15x11 см, заполненных каллиграфически выписанным готическим текстом, который завершают слова: «Настоящая книга принадлежит Николя Фламелю из общины Сен-Жак-де-ля-Бушери, и написана она его собственной рукой». Прекрасный пример инструкции по лабораторной алхимии, *Книги Прачек* посвящена так называемой Второй работе, состоящей из операций увлажнения и кальцинации. Ее название *Le Livre des laveurs* дословно переводится со старофранцузского как «книга стирок»; и действительно, каждый этап работы в ней называется Стиркой. Однако в современном французском

¹⁸ Jean de La Fontaine. *De la transformation metallique: trois anciens traictez en rithme Françoises*. Guillaume Guillard, Paris, 1561.

¹⁹ См. Nicolas Lenglet du Fresnoy. *Histoire de la Philosophie Hermétique*. Paris, 1742, T.1, p.219.

²⁰ MS Français 19978.

слово *laveur* означает «мойщик», то есть в некотором смысле прачка мужского рода; значение же образа женщины, стирающей белье, в алхимии трудно переоценить. Например, в третьей эпиграмме «Убегающей Аталанты» под девизом *Следуй примеру женщины, стирающей белье*, Майер пишет²¹: «Пусть тот, кто любит тайные доктрины / Ни одного намека не пропустит. / Ты видишь женщину, что стиркой занята, / И добавляет в чан воды горячей? / Ее примеру следуй, а не то познаешь поражение, / И с тела черного не смоешь грязь». Именно этому процессу смывания алхимической грязи и посвящена *Книга Прачек* – а что еще представляет из себя алхимия, как не «отделение нечистот от чистой субстанции»?²²

Заключительной работой в данной антологии вполне логично стало *Завещание* Фламелья. Упоминание об этом тексте впервые встречается в «Ежегоднике» Фрерона за 1758 год, в письме за номером XI, без подписи²³. Анонимный автор этого письма, кстати, вступает в полемику по поводу того был ли исторический Фламель алхимиком, или нет – и в доказательство своего *положительного* мнения по этому вопросу приводит воспоминания Пернети²⁴, который будто бы видел некий алхимический манускрипт, принадлежащий руке Фламелья, и датированный 1414 годом. Он представлял собой карманный молитвенник, на полях которого был написан алхимический трактат. В нем Фламель обращается к своему единственному наследнику, сыну Изабель, сестры его дражайшей супруги; наставления дяди, конечно же, представляют собой рецепт получения Тинктуры Философов. В 1762 году уже сам Дом Пернети выступает в «Ежегоднике»²⁵, на этот раз приводя отрывки из *Молитвенника*, как известна нам эта работа по-французски, или *Завещания*, как принято озаглавливать ее переводы, каковой традиции следует и данный русский перевод. Вряд ли стоит сомневаться, что анонимным автором первого письма был кто-то другой; несомненно, Антуан-Жозеф написал и его, а также – как считают многие

²¹ См. Michael Maier. *Atalanta Fugiens, hoc est Emblemata Nova de Secretis Naturae Chymica*. Oppenheim, 1617.

²² См. Martinus Rulandus. *A Lexicon of Alchemy*. Frankfurt, 1612. p.20.

²³ *Lettre XI, sur l'Essai d'une histoire de la paroisse de Saint-Jacques-de-la-Boucherie* // Fréron. *Année Littéraire*, 1758, T.VII, pp.259-261.

²⁴ Дом Антуан-Жозеф Пернети (1716-1801гг.) – бенедиктинец конгрегации Сен-Мор; известен как библиотекарь Фридриха II, создатель авиньонского герметического общества, и автор нескольких весьма важных работ по алхимии.

²⁵ *Lettre II* // Fréron. *Année littéraire*, 1762, T.III, pp.24-35.

исследователи – и само «Завещание». По многим признакам, цитируемый им текст не мог быть написан ранее середины XVIII века. В соответствии же с легендой, созданной Пернети, первоначальный текст был написан Фламельем на полях молитвенника в виде шифра, ключ к которому он передал своему племяннику. Каждая буква имела четыре варианта написания, так что общее число знаков, составлявших код, было 96. Дом Пернети и его друг господин Сен-Марк, предполагаемые обладатели текста, потратили очень много времени на расшифровку кода, но безрезультатно, и Сен-Марк уже был готов отказаться от этой затеи, когда Пернети сумел определить знаки, обозначающие гласные, и вскоре они вдвоем расшифровали всё «Завещание»; произошло это в 1758 году. Однако оригиналы текста (и французский, и закодированный) затем были объявлены утраченными. В 1806 г. появился английский перевод «Завещания»²⁶, созданный, очевидно, на основе цитат Пернети, так как текст значительно сокращен; кроме того, английская версия содержит неточности. Неточности относительно чего? Дело в том, что XX век внес значительную ясность в это дело. Эжену Канселье, ученику Фулканелли, алхимику и исследователю герметической традиции, в 1958 году посчастливилось обнаружить утерянный текст в коллекции манускриптов Национальной Библиотеки в Париже²⁷. Автором этой рукописной копии, созданной в конце восемнадцатого века, был некий шевалье Дени Молинье, любитель Герметического искусства, как он себя представил. Кстати, Канселье высказал весьма интересную мысль: на основе некоторых графических особенностей рукописи можно предположить, что этим любителем Герметического искусства и был сам Антуан-Жозеф Пернети, отправивший своеобразное «письмо в будущее» – ведь два столетия этот текст считался безвозвратно утерянным²⁸. Итак, вывод который мы можем сделать, на первый взгляд весьма неутешителен: из четырех трактатов, представляющих собой алхимический корпус Фламеля, только два могли быть написаны этим автором в XV веке – если автором был Фламель, и если Фламель был алхимиком. Два другие трактата, а именно автобиографический роман «Иероглифические Фигуры» и «Завещание», были написаны значительно позднее, и

²⁶ *Testament of Nicholas Flamel*. J.& E.Hodson, London, 1806.

²⁷ Имеется в виду MS Français 14765, стр. 197-220.

²⁸ См. Eugène Canseliet. *Note liminaire sur le Dictionnaire de Pernety*. // *Initiation et Science*, № 45, 1958, p.5.

точно не известно кем. Но эта неутешительность на самом деле мнимая, потому что мы имеем четыре превосходных алхимических текста, написанных адептами (на этот счет уж ни у кого сомнений не возникает), и они, подобно синоптическим Евангелиям, не содержат никаких противоречий – для тех, кто умеет видеть. Если же взглянуть на колесо истории с вершины горы Философов, с точки зрения уходящей в далекое прошлое и простирающейся в невообразимое будущее герметической традиции, то оно покажется не более чем маленькой точкой – и уже не различить, где четырнадцатый век, где двадцатый, где начинается жизнь, и где кончается смерть.

